

Текст XV в.
с наименованиями числовых разрядов

В старославянских и древнерусских текстах древнейшей поры встречается термин *тъма*, который употребляется в смысле 'десять тысяч' и 'неопределенное очень большое число'¹. В Апокалипсисе XII в. (БАН, собр. Никольского 1, л. 45) дошел до нас особый символ — сплошная окружность, внутри которой помещалась буквенная цифра, — в качестве числового знака, эквивалентного термину *тъма* в значении 10 тыс.² В Апокалипсисе с толкованием Андрея Кесарийского, XIV в. (ГБЛ, ф. 256, № 8, лл. 24, 35, 36 об.) аналогичная символика (⊙) (⊙) ми употребляется для выражения словосочетания *тъмы тъмами* в значении неопределенного очень большого числа. Здесь же встречается сочетание *двоицею* (⊙) (⊙) ми в значении 200 млн., но, возможно, в том же общем смысле. На л. 35 цифровой символ 'одна тъма' — (⊙) — применяется не в своем прямом математическом значении, а для сокращенного выражения понятия *тъма* в смысле 'мрак', 'темнота' (см. рис. 1).

Вот этот текст: а снчнок акръскок шмраченик. на-
слажающеса свѣта ихъ. авлаетъ дшевннѹ слѣпоту.
(⊙) бо сущимъ въ болѣзни. свѣта вмѣнактъса.

В этом примере проявляется особая сторона употребления специальной математической символики: в не

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 1082; А. Е. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961, стр. 13—14; А. С. Львов. Очерки по лексике старославянской письменности. М., 1966, стр. 247—249.

² Р. А. Симонов. Древнерусское обозначение десятка тысяч в рукописи XII века. «XIII Международный конгресс по истории науки. Материалы по истории физико-математических наук». М., 1971, стр. 44.

ВЪДЪ ГИЖЕХЪ ПИНИАЗАКЪ АДЪ. ДА ПРЕ
 ЖЕ КОМУ ИНЫ СКОЛЪ ГИДЪ КЛВШЕ БЕСКОМЕ
 УМНО ДОУКУ ПРИИЛУГЪ. ДЪВЪ ЖЕ СЕТА
 ОШРАУЕ НИЕ. ПРЕДЪХОДАЩЕ СЪЗДЪХЪ
 ДЪБАИХЪ ПРИКЛАДЪХЪ. ГИВЪШЮЖЕ
 САНДЪ. БЛАСТЪНИИ ДА НА БУДЕ ТЫМУТИ
 УЛВЪСЪ. А СЛУМОРЕ АГЕРЬСКОЕ СЪ ОРАУЕ НИ
 Е. НА СЛАЖАЮЩЕ СЪ СВѢТАНХЪ. ГИ КЛА
 ТЪ ДШЕ ВЪ ПУЮ СЪ ВЪ ПОТУ. **Д**Ъ СЪ ЦИ ПИ ДЪТЪ
 БОАЪЗНИ СЪ БЪ ТАВЛЕНА ГЕТЪ СЪ. А ЖЕ
 ПЛУКНИЛЪ СЪ СЪ ДНИ СЪ БЪ СЪ ЛОТЪ. **У**КЪ ВЪ
 ДОБНИ СЪ СЪ ОРАНИИ. ГИ ВЪ СЪ ТЪ ВЕДШЕ НИЕ
 ЗАТЪХЪ ДЪАЪ. ПАКОСТНУЮ ВЪ ДШЕ СЪ
 ВШЕ ПУЮ СЪ ЛАТЪ. КОЖЕ ПРИТЕ СЪ ЛОТЪ ВЪ НЕЗНА
 КЪ НИИ НЕГО ПЕУА ТЪ СЪ ПЛУ СЪ БЪХЪ. СЪ АЩЕ
 СКАЗА ТЪ ВЕДЕ ПЛАКЪ ИМО. АЩЕ СЪ ОРЕ БЪ ПЛА
 ПРЪКРАТИ ПСАТИ ДМЪ. НЕ ВЪ СЪ ПЛА СЪ ВЪ
 КА ПЛОТЪ. ПОГНО СЪ ЛОВЕСИ. А НЕ ВЕДЕ СЪ ТЪ
 СЪ ДЪ УМЪ СЪ ТЕМИ. ПЛИ ЖЕ ГРЪХЪ ВЪ ДУ
 ТЪ ВЪ УЛВЪСЪ. И ВРЕ ПЛА ПЛОТИ ТО. БИЛЪ
 ПДРИ ПЪ ДЪЗНАЕМО :
 ВЪ ТЪ ДНИ ВЪЗНИЩЕ ТЪ УЛВЪСЪ ПДРИ ПТИМО

Рис. 1. Апокалипсис (ГБЛ, ф. 256, № 8), л. 35

числовой лексики. Она еще не стала объектом изучения.

Настоящая статья не ставит целью обстоятельное рассмотрение проблемы, а только ее постановку. Можно констатировать факт, вытекающий из существования указанного примера, что символика больших

числовых разрядов выступала в качестве средства выражения нематематических понятий. Это, очевидно, лишь часть более общей проблемы о месте букв-цифр в арсенале древнерусской письменной культуры, вызывающей необходимость воссоздания точной картины хронологических изменений в графике, способах употребления и служебных функциях древнерусской цифровой символики.

Открытие числовой берестяной грамоты № 342 учебно-справочного характера показало, что в XIV в. в Новгороде обозначение десятков тысяч входило в состав начальных сведений о цифрах, наряду с данными о символах единиц, десятков, сотен и тысяч³.

К этой берестяной грамоте примыкает цифровой перечень, приведенный в пергаменном Ирмологии XV в. (ГПБ, Соф. 487, л. 1 об.). В нем, помимо обозначений числовых разрядов, перечисленных выше, содержится новый символ, выражающий стотысячный разряд, — окружность из точек вокруг буквенной цифры⁴. Соответствующий знак употребляется в записи числа 580 тыс. в Хронографе 1494 г. (ГБЛ, ф. 256, 453, л. 416). В этих двух перечнях названия десяти- и стотысячного разрядов не приведены. Из более поздних аналогичных цифровых источников XVI—XVII вв., описанных А. Х. Востоковым (1842), И. В. Ягичем (1895) и др.⁵, известно, что они назывались *тъма* и *лѣгюнъ*, а последующие разряды: *лѣодор*, *ворон*, *колода*.

На наиболее древний из известных цифровых перечней, содержащих наименования разрядов, автору любезно

³ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 29—31; Р. А. Симонов. Числовые грамоты на бересте XIII—XIV вв. и некоторые вопросы истории кирилловской нумерации. «Хиляда и сто години славянска писменост, 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий». София, 1963, стр. 287—294.

⁴ Р. А. Симонов. Древнерусский цифровой перечень в пергаменной рукописи XV в. Проблемы истории математики и механики», вып. 1. М., 1972, стр. 45—46.

⁵ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 11, 353, 463, 729; И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 671—673; Р. А. Симонов. Русская средневековая система больших чисел. «История и методология естественных наук», вып. IX. М., 1970, стр. 212—217.

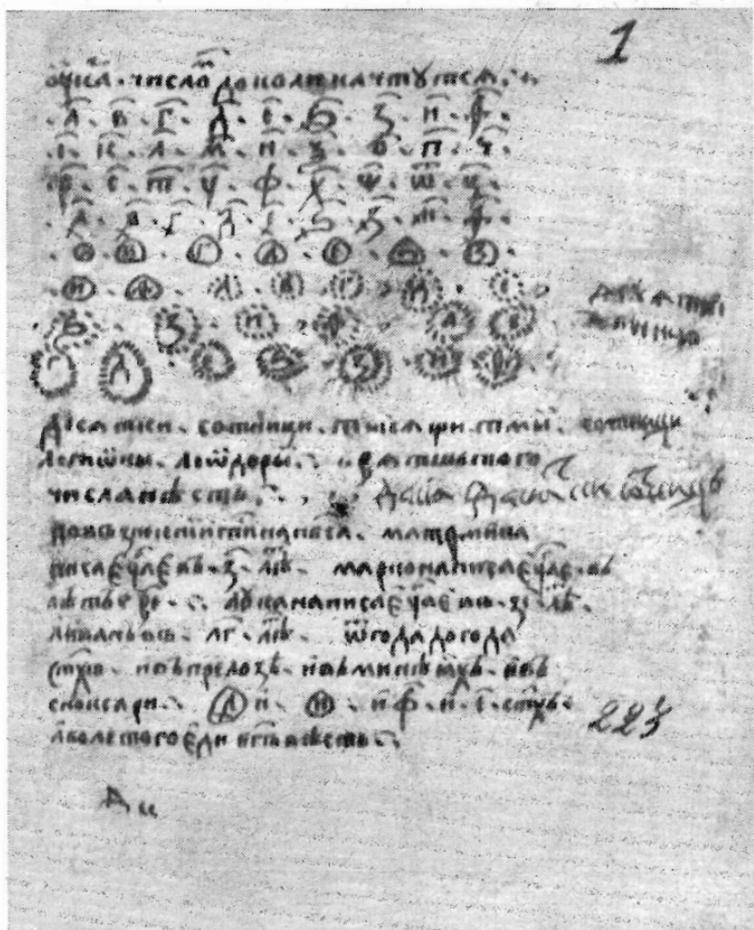

Рис. 2. Сборник (ГПБ, Соф. 169), л. 1 об.

указано Н. Н. Розовым⁶. Этот перечень находится на обороте первого листа бумажного сборника богослужбных текстов, вероятно, конца XV в. (ГПБ, Соф. 169). Небольшой листок интересен с нескольких точек зрения (см. рис. 2): в нем представлены обозначения и наименования сотен тысяч — *легион* и миллионов — *леодор*; здесь

⁶ В материалах XV в. и более древних картотеки ДРС (Институт русского языка АН СССР) не содержится данных об употреблении слов *легион* и *леодор* в точном значении 100 тыс. и миллион.

дошел до нас не только внешний облик всей системы разрядов, известных в XV в., но и представленные как в самом тексте, так и в приписках на полях и на неоконченных строках наименования разрядов, включая миллионы. Тем самым этот перечень имеет значение не только для палеографии и истории математической культуры, но и для истории русского языка. Самую верхнюю строку занимает киноварный заголовок **оуказ. числом до коллика чѣтѣса.** Далее следуют цифровые символы в следующем порядке (в передаче современной нумерацией): 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, | 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, | 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900, | 1000, 2000, 3000, 4000, 5000, 6000, 7000, 8000, 9000, | 10 000, 20 000, 30 000, 40 000, 50 000, 60 000, 70 000, | 80 000, 90 000, 100 000, 200 000, 300 000, 400 000, 500 000, | 600 000, 700 000, 800 000, 900 000, 1 000 000, 2 000 000 | 3 000 000, 4 000 000, 5 000 000, 6 000 000, 7 000 000, 8 000 000, 9 000 000//. После цифр идут названия разрядов **дѣсятки. сотници. тысяци. тмы. легионы. леондоры** и заключительная фраза: **вѣше того числа нѣсть...** Позже на этой строке и на правом поле несколькими почерками было приписано: **дѣсятки, (со)тници; сотници; деся, десятки, сотницы.** Эти приписки свидетельствуют о том, что приведенный математический материал неоднократно обращал на себя внимание в XVI — XVII вв.

В палеографическом отношении перечень обладает следующими чертами. Между знаками на уровне нижней строки стоят точки, иногда запятые. Над цифрами первых четырех разрядов (кроме знаков 500 и 800) написаны титла дугообразной формы. Тысячные знаки с одним перечеркиванием прикреплены слева, как правило, к нижнему основанию графем. К знакам 4 и 8 тысяч (д и и) тысячные знаки приданы в верхней части. Шеститысячный символ не содержит особого тысячного знака, у него перечеркнута нижняя петля. Любопытно, что перечеркивание нижней петли имеет знак з (шесть) в первой строке. Знаки десятков тысяч представляют собой сплошные окружности, сотен тысяч — окружности из точек, миллионов — окружности из лучеобразно расходящихся черточек⁷. Первый символ больших разрядов — 10 000 — был на-

⁷ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 139—140.

черта, вероятно, так: сперва окружность, а затем в нее был вписан «аз». Окружность получилась ровной, но вписанный знак — небольшим. Последующие цифры, очевидно, писались иначе: вначале буквенный символ, который затем обводился окружностью. Поэтому все знаки больших разрядов, кроме первого, имеют внутренние буквенные элементы такой же величины, как знаки первых четырех разрядов, зато окружности у них почти всегда неровные.

По начертаниям основные цифровые символы не содержат особенно древних черт. Так, знак $\text{ц} = 900$, приводящийся в перечне, стал употребляться в древнерусской практике с конца XIV в. (сперва наряду, а затем вместо более раннего по употреблению символа $\text{л} = 900$). В XIV в. приобрела распространение кириллическая диграфа Ѡ («от») = 800, тогда как в конце XIII в. в этом значении употреблялась еще ω (омега). Для XV в. можно считать типичными: начертание шестерки в форме латинской z , тысячный знак с одним перечеркиванием и «копшу» в форме без закругления сверху в значении 90^8 .

До сих пор о характере кириллической нумерации указанного периода приходилось судить на основе произвольной выборки данных из большого числа источников, что оставляло сомнения в достоверности таких реконструкций. Значение подобного материала ранее отмечалось как важный фактор в определении архаичности состава известной в единственном экземпляре рукописной арифметики XVI в.⁹ Публикуемый перечень в рукописи 169 из Софийского собрания ГИИ позволяет с достаточной точностью судить об истинном облике древнерусской цифровой системы XV в., ориентировочно 2-й его половины.

⁸ Р. А. Симонов. О происхождении и историческом развитии цифровой системы, употреблявшейся в древнерусской кириллице. «История и методология естественных наук», вып. XI. М., 1971, стр. 139—141.

⁹ Р. А. Симонов. Великое число в русской арифметической рукописи XVI века из собрания проф. И. К. Андреева. «Вопросы истории физико-математических наук. Материалы Всесоюзной научной конференции по истории физико-математических наук». Тамбов, 1971, стр. 6—7.

Памятники деловой письменности XVIII в.
в Челябинском областном архиве

Самые ранние рукописные материалы Челябинского областного архива относятся к XVIII в. Они представлены в 32 фондах. Подавляющее большинство текстов — памятники деловой письменности, отражающие деятельность государственных и местных учреждений Челябинска и городов Челябинского уезда — Верхне-Уральска, Троицка, Кыштыма, станицы Воскресенской, а также южноуральских казачьих крепостей, начиная с 40-х годов XVIII века.

Документы архива не издавались и не аннотировались ни в историческом, ни в лингвистическом плане. Лишь рукописи XVIII в. послужили источником кандидатской диссертации С. Г. Шулежковой¹.

Описание и издание памятников древней письменности в настоящее время приобретает важное значение. По замечанию С. И. Коткова, «успешное развитие советского языкознания в настоящее время зависит не только от всемерного усовершенствования старых методов исследования и разработки новых методов, но и введения в область исследования новых лингвистически аннотированных и квалифицированно подготовленных для изучения источников»².

Известно, что в XVIII в. в России, в том числе и на Южном Урале, появилась сложная сеть государственно-административных учреждений, предусмотренных ре-

¹ С. Г. Шулежкова. Устойчивые сочетания в языке официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII века. АКД, М., 1967.

² С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 3.

формами аппарата управления³. На месте съезжих изб XVI—XVII вв. (губных, городских, сельских, таможенных и др.), ведающих делами на местах, появились различные канцелярии, коллегии, управления, конторы и т. п. В соответствии с «Генеральным регламентом» в 1720 г. была введена строгая иерархия официально-деловых бумаг.

Письменные памятники, собранные в архиве, в зависимости от ведомственной принадлежности можно разделить на несколько групп.

1. Материалы государственно-административных учреждений — канцелярий, берг-коллегий, городнических и полицейских правлений, земских контор, канцелярий приставов, рекрутских старост, жандармерии, таможни: ф. 63 — Исетская провинциальная канцелярия, 1736—1762 гг.; ф. 74 — Селенгинская земская изба Селенгинского дистрикта, 1733—1737 гг.; ф. 6 — Челябинский городской управный староста, 1745—1800 гг.; ф. 213 — Челябинский гильдийский староста, с 1767 г. и др.

В составе фондов — различного рода указы, донесения о прохождении казаками службы, «репорты» казачьих офицеров в канцелярии о розыске беглых крестьян и казаков, промемории и памяти о разыскиваемых дворовых и крепостных людях, жалобы казаков на урядников, обиравших их, наряды на форпосты, на вывозку сена и фуража, распоряжения о наказаниях плетью за воровство, реестры и списки призывников-казаков, многочисленные сообщения о набегах кочевников на казачьи крепости (ф. 63), дела «по наставлению о гражданских общественных представлениях в г. Уфу рекрут», разборы по рекрутским делам, окладные, призывные, жеребьевые книги, журналы, реестры, справки «о забракованных в рекруты мещанах», переписка рекрутского старосты г. Челябинска с волостными правлениями (ф. 111), ревизские сказки, списки подушных сборов, приходо-расходные книги, наказы ратуши купцам и мещанам, квитанции, счета, расписки, записи (протоколы) мещанских собраний.

2. Материалы судебных органов — судов, нижних расправ, магистрата: ф. 121 — Челябинский уездный суд,

³ См. «Полное собрание законов Российской империи», т. III, № 21.

1782—1799 гг.; ф. 44 — Верхне-Уральский уездный суд, 1797—1800 гг.; ф. 116 — Челябинская нижняя расправа, 1797—1800 гг.; фонды Челябинского магистрата — № 14, 15, 16, с 1782 г. В основном это судебные дела о взимании штрафов с крестьян и казаков, о краже денег, лошадей, имущества, о продаже хуторов, земельных участков, лавок, о недоимках, уплате оброчных денег, долгов, об убийствах, оскорблениях, лихоимстве, о бежавших крестьянах и казаках, о противозаконных действиях по службе разных должностных лиц, а также журналы и книги протоколов, книги поручных записей, закладных документов, указы из казенных палат, алфавиты, списки и реестры «лицам и предметам, кои заключены есть в Челябинском уездном суде», описи имущества осужденных, прошения о помиловании, рапорты и сообщения сельских заседателей, комендантов и нижних расправ в суд, отказные книги.

3. Фабрично-заводская документация: ф. 172 — Кыштымские заводы Н. Н. Демидова, с 1760 г.; ф. 227 — Златоустовская контора заводчиков Масалова, Кнауфа, Лугинина, 1755—1811 гг.; ф. 169 — Нязепетровская заводская контора, 1765—1800 гг.

XVIII век на Урале — это бурное развитие промышленности, в особенности горнодобывающей и железоделательной. Экономическое развитие Урала было связано не только с частным предпринимательством, но и с политикой содействия царского правительства владельцам уральских заводов. Поэтому среди материалов заводских контор Н. Демидова, находившихся около г. Кыштыма, недалеко от Челябинска, много указов царской администрации и Оренбургской берг-коллегии об отводе лесов к кыштымскому заводу Н. Демидова, о разрешении на постройку «железных» заводов на реках Уфе, Шемахе и Кеолиме (в окрестностях г. Кыштыма). Здесь же собраны предписания, ордера, приказы, судебные дела, приходо-расходные заводские и рудницкие книги, годовые отчеты и рапорты «о производствах», например: «Приказ о выдачѣ денег за рекрутовъ. . . кои в солдаты временемъ не пошли» (ф. 172, оп. 1, № 3), «сообщение о найденомъ мѣртвомъ тѣле при заводѣ села Воскрѣсенского крѣпостномъ человеке гдна Никиты Демидова» (там же), «предписание прислать для отчету в кыштымскую кантору заводскую список крестьянам заборщикам» (там же, № 12), «прошения пове-

ренного кыштымских заводов Алексея Злаказова в Сенат по спорному дѣлу между айлинскими башкирцами и купцом Поповым по поводу земли кыштымского заводу» (ф. 172, оп. 1, № 9), «четыре недельные заводские репорты с расходами майа с 4-го 1785 майа по 3-е число 1786 году и при том годовой отчет о приходѣ и расходѣ (там же, № 10), «письма гдну дворянину Н. Н. Демидову от прикащиков о производствах и письма самого Демидова в заводскую контору из Петербурга» (ф. 172, оп. 1, № 9, 11, 12, 1783—1786). В ф. 227 и 169 содержатся многочисленные описания урочищ, рудников, заводов, долговые, прихода-расходные книги, контракты, переписка о спорных рудниках (всего 272 ед. хр.).

4. Материалы духовных ведомств: ф. 33, 50, 65 — Челябинское, Воскресенское и Троицкое духовные правления, 1762—1783 гг.; ф. 62, 151 —церкви Челябинского и Екатеринбургского уездов, с 1768 г. Это в основном метрические книги, бумаги о назначении на церковные должности, о замещении вакансий, о сборе пожертвований, указы духовных консисторий, промемории и рапорты мирских контор о краже церковных денег и имущества, жалобы крестьян на лихоимство священников и дьяков, разборы о «незаконных винных корчемствах», о тайных венчаниях, «беглых» браках и др.

Рукописи архива не исчерпываются перечисленными материалами. Указаны фонды, наиболее значительные по содержанию. Имеются документы местных органов самоуправления, бумаги об оформлении торговых отношений, частная переписка (ф. 114, 118, 119, 120, 122) и др.

Каждая из деловых бумаг обладает своеобразным содержанием и известной стандартностью построения. Сохранился печатный указ 1786 г. о порядке оформления документов на имя императрицы — «Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссийской, изъ Правительствующаго сената. Объявляется во всенародное известие. Въ имянныхъ ея императорскаго величества указахъ, состоящихся сего февраля 11 и 15 дня написано: «Ея императорское величество высочайше указать изволила, до изданія полной формы на всякія канцелярскія бумаги, отнынѣ впредь, вмѣсто подаваемыхъ до сего на имя ея величества челобитень, какъ къ ея величеству, такъ и въ присутственныя мѣста, въ коихъ послѣ ставить приносить жалобу или просить имя—рекъ; въ присылаемыхъ же къ

ея величеству письмахъ и реляціяхъ или донесеніяхъ, по окончаніи оныхъ, вмѣсто верноподданнѣйшаго раба подписывать просто *всеподданнѣйшій* или *верный подданный*; а равнымъ образомъ в патентахъ, присяжныхъ листахъ и во всѣхъ прочихъ бумагахъ, гдѣ до сего слово «рабъ» включаемо было, вмѣсто онаго употреблять имя *подданный*. Правительствующій сенатъ приказали: сие высочайшее ея императорского величества повѣленіе для должного исполненія публиковать во всемъ государствѣ. Подлинный указъ за собственноручнымъ ея императорского величества подписаніемъ. Печатанъ в Санкт-Петербурге при Сенате февраля 19 дня 1786 году.

Обусловленность композиции и устойчивость формулировок указов государственного значения определялись такой схемой: «Указ ея императорского величества самодержицы всероссійской (наименование канцелярии, откуда исходит указ, кому адресован) сего (дата) числа, году. По указу ея императорского величества по определению вышеписанной (наименование той же канцелярии) определено велено (далее следует содержание указа). О вышеписанном учинить по ея императорского величества указу (дата, личная подпись начальника, подписи секретаря, канцеляриста, переписчика, время получения указа)».

Подобные указы регламентировали использование стандартных выражений в памятниках деловой письменности. Но вместе с тем они не были препятствием для употребления, наряду с выражениями *правящий должность, во изъявление того, чинить о том указе (определении), учинить что-л., вышеписанный оный* (указ, ордер, наряд и др.), *в надлежащее число, сие ко исполнению касается, бить челом, верноподданный раб твой, посылается при сем, неоднократно известный, вышеписанное определение, по силе опробованного определения* и под., слов и сочетаний, присущих живой разговорной речи, ср.: «следствие здесь учинено было за ихнее воровство. По розыскѣ наказание кнутомъ и что надлежитъ с обоихъ взискать. . . По прибытии тамо казаковъ в Мияскую крѣпость собравъ казаковъ учинить имъ вторичное наказание за батожьемъ дабы на то смотря другіе от воровства береглись и впредь ис слободы ис той крепости казаковъ оныхъ не отпущать как о такихъ подозрительныхъ прѣжде посланные указы повѣлеваютъ и собрать по нихъ тамо поруки и чтобъ с во-

ровскими людьми не знатца, и чтобъ ручители были понадежнее» (указ 1742 г. из Исетской провинциальной канцелярии командиру Миасской крепости, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 1, № 24).

В деловых письмах, жалобах и прошениях казаков и крестьян форма соблюдалась еще менее строго. Сравним два отрывка из письма 1756 г. о расположении и укреплениях Исетской и Кичигинской крепостей Челябинского уезда, написанного неизвестным лицом (конец письма не сохранился) для военной походной канцелярии Оренбургской губернии.

В начале письма извинение официального характера: «Отъ прошедшаго февраля 12 дня в военную походную Его превосходительства гдна действительнаго тайнаго совѣтника и Оренбургской губернии губернатора и кавалера Ивана Ивановича Неплюева канцелярію имею сообщить вам гднѣ майор в каком находится у нас состояніи в Исетской провинции крепостное строение». В середине письма наряду с канцеляризмами, находим слова с яркими диалектными признаками: а позаде заплот небольшой ров вроде как канава да валъ а затем и сараи и позаде их рогатки, но все ветхые и почти все требующыи справу. . . а в полевую сторону глубокой оврах и крепость обнесена рагатинами и двои ворота одне сверху а другие снизу поводе объявленной рѣчки а в степь в середине бастиона пушка. . . Поселение имеѣтца на положенной государственой землѣ а пашню пашут сена косят лес рубят рыб ловят и всякой зверьи и от сего происходят завсегда ссоры в крепости меж казаками да хрестьянами (ф. 63, оп. 1, № 1, л. 26—26а).

Южноуральские деловые бумаги XVIII в. дают обширный материал для изучения лексики различных предметно-тематических групп: судебно-юридической (*ответчик, жалобщик, расспросчик, расправа, расспросная речь, сыскная сказка, иск, допрос, прошение*), административной (*рапорт, ордер, указ, наряд, учинение, определение, протокол, предписание, канцелярия, секретарь*), военной (*комиссар, старшина, капрал, урядник, атаман, секунд-майор, старший, караул, форпост, гарнизон, крепость, бастион*), горно-заводской (*чугун, руда, магнит, флюс, охра, малахит, горн, литейка, рудник, шихта, прииск*), бытовой (*двор, телега, изгородь, рогатка, семенник, дома, строение, оброчить, косить*) и др.

Материалы местного происхождения изобилуют примерами живой разговорной речи. В указах начальника Исетской провинциальной канцелярии П. Бахметьева командиру Миасской казачьей крепости (ф. 63, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—70), написанных одним почерком и подписанных канцеляристом Михалкой Черемисиновым, раскрывается тревожная, полная опасностей и лишений жизнь уральского казачества середины XVIII в., вынужденного отражать набеги кочевников, тяжелое положение трудового народа, о чем говорят многочисленные списки беглых солдат, казаков, государственных крестьян и мастеровых демидовских заводов, указы о сборах денег в пользу казны и т. п.

В текстах этих указов зафиксировано смешение безударных *a* и *o* в одних и тех же словах, например: *Самсонов* — род. пад. *Сомсонова*, *Софронов* — род. пад. *Сафронова*, *аренбургской комиссии* — *оренбургскую калегию*, *привант* — *провианту*, *афицеров* — *офицеры* и т. д. Смешение букв *ѣ* и *е*: *крѣстиан*, *крѣстьян* — *крестьяни*, *вминить крѣпость прапорщику Зилову* — *положить в крепости тои своего пропитания*, *чрѣзь* — *чрез*, *при указахъ* — *при указахъ*, *мнѣ* — *мне*.

Широко представлено ассимилятивное оглушение и озвончение согласных: *ис пушек бить*, *ис конторы*, *бѣс пашпортов*, *ис-пот караулу*, *дваццать*, *тритцать* и др.; *сбруя* — *збруя*, *збирать*, *зделать* и т. д. Встретилось несколько написаний *x* вместо *г*, очевидно, отражающих произношение *г* фрикативного: *бехлый казак*, *с Оренбурху*, *посреди крепости оврах*. Диссимиляция согласного в группе *кж* отмечена дважды: *x команде*, *x кружной дорогѣ*.

Имеет место замена *щ* твердым *ш*: *с товаришы*, *требуюшы справку*, *в пишу*, *прапоршык*. Произношение *ш* твердого на месте *щ* характерно для многих южноуральских говоров. О наличии взрывного элемента в долгом глухом согласном свидетельствуют написания *сч* вместо *щ*: *а ведущих тако крестьян*, *а несущие денги*, *у живущих в поселении*, *требующие лошади*, *по приобсченному реестру*.

В названных документах встречаются просторечные слова: *минѣидшой брат*, *миняший сын*, *споручить*, *незнаю каким случаем*, *сумнительство*, *не пуцать*.

Привлекают внимание и некоторые морфологические факты. Широко распространена форма род. падежа ед.

числа сущ. муж. рода с окончанием *-у*: росту два аршина, указу, ис-пот караулу, до одного году, на подачу фуражу и т. д. Существительные *указ* и *число* в сочетании с предлогом *по* имеют разные окончания: *по указу* — *по указе*, *по числу* — *по числе*. Сочетание предлога *по* + дат. падеж с окончанием *у* имеет значение 'в соответствии с таким-то указом, числом', *по* + местн. падеж с окончанием *е* — значение 'после ознакомления с указом, после его получения, по прошествии такого-то числа'.

Существительные *место*, *дело*, *лето*, *лошадь* в местн. падеже мн. числа, *житель* в род. падеже мн. числа употребляются с разными окончаниями: *в мѣстах* — *в мѣстѣх*, *на лошадѣх* — *на лошадях*, *в делах крепостных* — *в дѣлѣх будущих*, *у жителѣх* — *у жителей*. Устойчивое сочетание с *товарищи* употребляется только в отмеченном оформлении. Старые окончания в других существительных находим в четырех случаях: в *домы*, с *припасы* и *крестьяны*, *давать плату приказчиком*, *по указом*. По наблюдениям Н. Ф. Молчановой, медленно заменяются старые формы новыми в графаретных формулировках и устойчивых сочетаниях, а также в том случае, если старая форма данного слова является особенно употребительной в языке ⁴. Как правило, существительное *рубль* в род. падеже мн. числа имеет окончание *-ѣв*: *по сѣми рублев*, *по шесть рублев*. По мнению С. П. Обнорского, такая форма характерна для севернорусских говоров ⁵.

Среди окончаний имен прилагательных наблюдается соседство русских и старославянских форм в род. падеже ед. числа: *святейшаго синоду* — *святеишего синода*, *правительствующаго сената* — *правительствующего сената*, *подушнаго окладу* — *подушного окладу*, *вышереченаго указу* — *вышереченного репорта*, *оного Тишки Куроедина* — *оного семенного хлеба*. Числительные со вторым компонентом *десять* и *сто* осмысляются как два слова: *на пять на соть рублевъ*, *по шести ста рублевъ*, *семи десяти лет от роду* и т. п. Слитное написание сложных числительных встретилось 7 раз против 56 отдельных. Вариантные употребления отмечены у наречий: *имянно* —

⁴ Н. Ф. Молчанова. К вопросу об отражении морфологического процесса в памятниках письменности. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 80.

⁵ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Изд. 2. Л., 1931, стр. 97.

иминно — именно, токмо — только, особливо — особенно, всегда — всегда, отколе — отколь — отколи, позади — позаде.

В области синтаксиса наблюдаем большое количество сложных конструкций с развитой системой подчинительных и сочинительных связей, обилие инфинитивных предложений, значительный отрыв определяемого слова от зависимых, повторение одних и тех же предлогов, характерные для делового языка формы выражения сказуемого (имею быть сообщить, определено иметь сочинить, определено велено и др.), употребление кратких форм прилагательных в роли определения.

Материалы других фондов, относящихся к последней трети XVIII в., написаны более грамотными писцами, поскольку в меньшей степени отражают разговорный язык того времени.

Рукописные документы Челябинского архива являются одними из многочисленных памятников деловой письменности XVIII столетия, изучение которой началось совсем недавно. По этому поводу В. В. Виноградов заметил: «Любопытно, что даже те историки русского языка, которые расширяют объем понятия «литературный язык», включая в него и разновидности деловой речи, с XVIII века и, во всяком случае, с его второй четверти, обычно уже не следят за историей изменения канцелярско-деловых стилей речи»⁶.

Между тем в официально-деловой письменности этого периода так или иначе отражаются черты народно-разговорного языка XVIII в. Поэтому даже те фрагментарные сведения о рукописях Челябинского архива, которые приводятся в статье, свидетельствуют о ценности аннотируемых источников для истории и диалектологии русского языка.

⁶ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского языка. М., 1958, стр. 29.